

О детской непосредственности и зрелом осознании

А.Е. Штанько

(Получена 13 февраля 2008; опубликована 15 апреля 2008)

Культура нашего времени! Что она включает в себе: новые соблазны или новые возможности для эволюции духа? Чем отличается процесс познания пользователя и исследователя? Может ли наука и искусство быть неотъемлемой частью веры? Об этих и других вопросах – ниже.

Характерная черта современного мира – тесное сплетение и взаимодействие разнообразных по своему характеру культур. В прежние эпохи человечество склонялось к созданию монокультурных сообществ, в которых роль стержня, объединяющего в культурном отношении разные социальные группы и разные стороны общественной жизни, играла религия. В Новое время такое монолитное единство оказалось разрушенным. Отказавшись от покровительства религии, светское искусство и светская культура создали свой язык и свое культурное пространство. Постепенно расширяя свою сферу, секулярная культура к XIX веку стала доминирующей культурной средой Запада. В России с ее патриархальным, аграрным укладом этот процесс затронул лишь высшее сословие и интеллигенцию. В результате образовались две параллельно существующие культурные среды: традиционная, православная и европейская, светская. И если первая заявляла о себе своей массовостью, то вторая – большей творческой активностью. Факт наличия двух параллельных культур заставил многих мыслителей задуматься о различиях и возможности их сближения.

В 1901 – 1903 годах по инициативе Д.С. Мережковского в Петербурге была проведена серия религиозно-философских собраний, в рамках которых был организован равноправный диалог представителей православного духовенства с одной стороны и интеллигенции, писателей, философов, а также светских проповедников «неохристианства» с другой. В ходе этого диалога стороны не смогли найти общего языка и не обнаружили какого-либо сближения позиций. Возникло ощущение, что представители двух культур не слышат друг друга. Как могла возникнуть такая степень отчуждения внутри когда-то общего культурного пространства? Ведь двумя столетиями ранее единая культура пронизывала все сословия русского общества.

Причину этого можно было бы усмотреть в чужеродном влиянии, которому подверглось в послепетровской России высшее сословие, и наличие проблемы можно было бы объяснить исторической специфичностью российского общества. Однако в более мягких формах дистанцирование и отчуждение религиозной и светской культуры наблюдалось и в Европе, так что само явление носит универсальный характер.

Причин взаимной отстраненности и взаимного непонимания культур – множество: различия в мироощущении, ценностях, языке, образном строе мыслей, в отношении к творчеству и познанию и многое другое. Любая из них вполне заслуживает подробного рассмотрения, и эти темы неоднократно обсуждались. Тем не менее, вполне разумно предположить, что все характерные отличия двух культур имеют в своей основе некое основное исходное расхождение, проявляющее себя во всем спектре частных различий.

Давайте обратимся к временам зарождения и первого становления светского искусства в Европе. Это эпоха Возрождения, пробудившая внимание к человеку, к его личностному

началу. Антропоцентризм, характерный для новой культуры того времени, способствовал пробуждению и развитию способностей человека к рефлексии, самонаблюдению, самоосмыслению.

Эта способность, вообще говоря, присуща человеку как существу духовному, но в культурном контексте прежних исторических эпох она была не востребованной и являлась достоянием лишь выдающихся мыслителей и философов. Ни в каких художественных памятниках древности вы не найдете развернутого описания внутреннего мира человека, отображения внутренних побудительных мотивов его поступков, описания его мыслей о себе самом или его наблюдений за внутренним миром окружающих людей. Для древнего сознания более характерно мифологическое мышление, заключающееся в отождествлении себя с персонажами мифов или сопоставлении данной конкретной жизненной ситуации со сценами из мифологии. И такой способ идентификации вполне соответствовал традиционному укладу жизни общества, в котором по словам Экклезиаста: "Род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем".

Разбуженный эпохой Возрождения процесс рефлексии изменил отношение человека к самому себе и к окружающему миру. Его духовные интересы сместились в область познавательной деятельности. Но при этом сам процесс познания обрел новый характер. Оно вышло за установленные для него прежде жесткие рамки догматического (и мифологического по своей сути) мышления и нащупало новый критерий истинности знания – осмысленный и обобщенный опыт. Новая парадигма познания привела к рождению научного и художественного мышления в общепринятом современном значении этих понятий. Начало этого процесса относят к XVII веку, когда творили Декарт, Ньютон, Рембрандт. В это время и была впервые осознана способность человека к самоосмыслению. Английский философ этого времени Джон Локк обратил внимание на "способности человека познавать свою умственную деятельность так, как мы познаем внешние предметы" и определил рефлексия как "направленность души на самое себя", как мышление о мышлении.

Способности к рефлексии постепенно расширялись и углублялись параллельно с расширением сфер человеческого познания. В конце концов, в процесс самопознания, самонаблюдения и самоосмысления были введены научные приемы и возникла психология. Рождение психологии не случайно совпало с периодом расцвета классической литературы. Ведь в основу ее художественного метода положена рефлексия. Герои классической литературы являются для нас живыми персонажами благодаря тому, что гений писателя сумел увидеть и отобразить душу, внутренний мир, строй мыслей героев. Это по сути своей психологическое исследование (реконструкция), но осуществленное не научными, а художественными средствами. Приблизительно в тот же период рефлексивное сознание ярко проявило себя в музыке, живописи, театре и других видах искусства. В итоге рефлексия в качестве основного вида познавательной деятельности органично вошла в сознание образованного общества и стала неотъемлемым элементом культуры.

Люди, родившиеся и выросшие в этой новой культурной среде, были склонны критически переосмысливать религиозное вероучение. Причиной такого критического подхода явилась несовместимость нового динамичного, развивающегося мироощущения с жесткой неизменностью и бездоказательностью религиозных догматов, с архаичностью языка, обрядов и образного строя. Возникшее противоречие явилось отражением

принципиальных различий традиционного религиозного сознания и нового, но ставшего зрелым рефлексивного мышления.

Христианство как способ мироощущения сложилось в первые века и, естественно, отображает характерное для того времени древнее сознание. По отношению к процессу познания это сознание следует отнести к мифологическому типу. Для него критерием познания является не опыт как таковой, а степень интеграции этого опыта в живую ткань мифа, осознаваемого в качестве единственной подлинной реальности.

Чтобы избежать дальнейших недоразумений, здесь следует уточнить, смысл, вкладываемый в понятие «миф». Чаще всего мы используем это слово для обозначения вымысла, не согласующегося с действительностью. К.Г. Юнг и другие психологи обратили внимание на многочисленные параллели в мифологии самых разных народов, что дало повод предположить, что в них отображено некое общее объективное содержание. Юнг назвал его коллективным бессознательным. Более детальные исследования подтвердили эту гипотезу, и в настоящее время представление о коллективном бессознательном является весьма распространенным. По своему статусу психология не может заглядывать еще глубже и пытаться исследовать истоки, происхождение и онтологическую сущность коллективного бессознательного. Эти предметы относятся к трансцендентной сфере. Но вполне естественно предполагать, что коллективное бессознательное само является отображением реальности еще более глубокого уровня, которую мы обозначаем словом Бог. Такой подход придает слову «миф» совсем иной, далекий от расхожего смысл. Миф становится выражением глубинной реальности, которая сама по себе не может быть отображена в виде земных образов, то есть в виде привычных категорий нашего мышления, и вынуждена выражать себя в условной форме, с помощью специального, нащупанного опытным путем символического языка.

Миф, воспринимаемый таким образом, являлся для сознания древнего человека характерным способом познания. Слово «познание» в данном контексте тоже нуждается в пояснении. Мы часто соотносим с ним книжное знание, усваиваемое нами в виде образов, понятий, теорий и т.д. Такое познание тождественно накоплению и систематизации сведений. Здесь же имеется ввиду познание иного рода – познание как непосредственный опыт проживания. С этой точки зрения понятия «быть» и «познавать» тождественны. Мифологический способ познания заключался во вживании в сам миф, во вхождении внутрь той реальности, которую он выражает, и глубина познания соответствовала степени такой интеграции. Миф одновременно являлся и животворящим началом, и источником знания, и стержнем родовых и общественных отношений, и личным ориентиром. Благодаря такой универсальности миф мог предоставить познающему ощущение заключенной в нем полноты. При этом любые иные содержания, не относящиеся к мифу, оказывались излишними. Вот почему древние цивилизации, несмотря на обилие талантливых и одаренных людей не создали науку и художественное творчество в современном значении этих понятий. Они в этом просто не нуждались.

Совершенно иное представление о познании сформировано у человека современной культуры. Оно неразрывно связано с рефлексией, основанной на осознании и обобщении любого содержания. При этом обобщение в зависимости от склонностей человека может осуществляться либо в виде категорий и понятий, объединяемых в логически завершенное и связанное целое, либо в виде художественных образов, выражающих активное восприятие реальности сознанием художника и зрителя (читателя, слушателя).

Не следует думать, что такой способ познания ориентирован на изучение только лишь материального мира или общества и полностью игнорирует трансцендентную сферу. Этот поверхностный взгляд опирается на факт распространения атеистического мировоззрения в эпоху просвещения и великих научных открытий (XVIII – XIX век). Атеизм этого времени явился следствием существенных трудностей для рефлексивного сознания воспринять и осознать трансцендентное содержание в форме мифа и сопутствующих ему религиозных установлений. Однако культура настойчиво пыталась осознать и выразить это содержание на своем новом языке. Здесь можно отметить, к примеру, немецкую классическую философию, музыку Баха и последующую классическую музыку, литературу XIX века. В рамках этих направлений рефлексивное сознание авторов всегда подразумевало некую вынесенную за рамки собственного сознания точку отсчета. В этой не названной точке отсчета, связывающей все невидимыми нитями, угадывается Высшее Присутствие.

В XX веке такая точка отсчета во многих направлениях искусства была утрачена, однако с конца XIX века и, особенно, во второй половине XX в. стал ощутимо заметен интерес к трансцендентным истокам сознания. В физике за последнее время появились гипотезы, полагающие сознание неотъемлемым элементом физической картины мира. В рамках отдельных направлений психологии стали исследоваться высшие духовные проявления человека (психосинтез, трансперсональная психология). Возник большой интерес к паранормальным явлениям и эзотерике. На таком фоне у многих возникло стремление найти свой путь к Богу, который бы органично сочетался с естественным для современного человека рефлексивным характером сознания и языком современной культуры. Судя по литературе (и личному опыту автора) такое движение стало за последнее время заметным явлением.

Традиционно верующие люди и священники с неодобрением относятся к подобным исканиям, искренне не понимая, зачем искать еще что-то, когда истина давно явлена – ее надо лишь принять. И в этом проявляется принципиальное различие мифологического и рефлексивного сознания по отношению к сути процесса познания.

Рефлексивное сознание исходит из опыта и его осмысления, то есть совершает восходящее движение, поднимаясь **от опыта к смыслу**. Мифологическое сознание совершает обратное движение: оно проецирует миф (готовый смысл) на проживаемый опыт, то есть **привносит смысл** из мифа в опыт. В итоге познание интересует носителей двух видов сознания совсем с разных сторон. Для мифологического сознания первостепенную важность имеет правильное **использование** знания, для рефлексивного – **приобретение** нового знания. Носителей этих типов сознания можно обозначить как **пользователь** и **исследователь**. Бессмысленно рассуждать какой тип познания правильнее. В любом конкретном случае правильнее окажется тот, который **реально соединяет смысл с опытом**.

Следует отметить, что такой альтернативы выбора всего каких-нибудь 300 лет назад не существовало, ибо дух исследования в сознании и культуре еще не набрал силу. Старая традиция просто игнорирует факт кардинального изменения познавательной способности человека за последние века. Для нее сам **человек остается неизменным** – по мере развития культуры меняется лишь мир, предоставляя ему все большее количество соблазнов. Эта ортодоксальная позиция заметно ослабила авторитет и влияние церкви в современном мире, ибо она не в состоянии удовлетворить новым запросам людей в сфере познания.

Религиозная практика предлагает в качестве объединяющей точки символ веры: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли ...» В этом кредо пытливый ум исследователя не найдет ответа на главный волнующий его вопрос: «В чем заключается его личный путь познания?» И в том, что символ веры не дает такого ответа, нет ничего удивительного. Он исходно ориентирован на мифологическое сознание и в сжатой форме сообщает нам основные положения христианского мифа, принятие которых, безусловно, необходимо для ощущения себя внутри той реальности, которую выражает миф. Но как набор бездоказательных положений, включающих противоречия нашему опыту чуда, символ веры не согласуется с образом мышления и познавательной направленностью исследователя.

Исследователь в своей познавательной деятельности привык исходить из опыта и результатов его осмысления. Именно это служит для него критерием истины. Правда, обсуждаемая здесь сфера познания, включающая трансцендентное начало, требует расширенного толкования понятия «опыт». В этом случае под опытом следует подразумевать все сущее: явления физического и духовного мира, устойчиво повторяющиеся закономерности и одноразовые уникальные явления, явления объяснимые и парадоксальные, воспринимаемые на уровне сознания или ощущаемые интуитивно, подсознательно и даже на мистическом уровне. Короче говоря, все воспринимаемое объективно и переживаемое субъективно входит в понятие опыта. Такое расширение сферы изучаемого опыта позволят избежать характерной для атеистического сознания ошибки, допущенной исследователями эпохи просвещения. Для них опытом были только устойчиво повторяющиеся закономерности физического мира.

Осмысливая опыт, мы выявляем связи между отдельными предметами, событиями, явлениями. Научное мышление оперирует причинно-следственными связями, художественное – смысловыми. Последние могут показаться строгому исследователю вымыслом, фантазией художника. Однако К.Г. Юнг ввел представление об этих связях в научную сферу. Он назвал подобную связь синхронистичной. По мысли Юнга наблюдаемые порой, поражающие воображение совпадения разных событий (синхронистичность) могут быть обусловлены только **смысловой** (не причинной по своей природе) связью явлений. Юнг собрал богатый материал, подтверждающий реальное существование таких связей. Понятие синхронистичности родственно современному физическому представлению о квантовых корреляциях. Таким образом, можно утверждать, что смысловые связи между явлениями существуют не только в искусстве – они существуют в реальной жизни и являются неотъемлемым элементом нашего опыта.

Итак, предельно широкое поле опыта определено. Каким образом мы можем обращать этот опыт в знание, приближающее нас к Богу?

Естественно, в качестве первого, безусловно необходимого шага надо принять факт Его существования и **признать Его изначальной точкой отсчета**, созидательным духовным началом. Это положение является исходной парадигмой познания. Она определяет угол зрения при постановке любого вопроса.

Перед каждым человеком, встающим на такой путь познания, возникает задача установления **контакта** с этим Высшим Духовным Началом, ибо Он должен стать исходной точкой отсчета в оценке всего наличного опыта. Формы контакта могут быть разнообразными. С познавательной точки зрения важно научиться воспринимать конкретные послания свыше, обращенные лично к нам. Такие послания могут читаться в смысловых связях между событиями, в интуитивных ощущениях, голосе совести, озарениях, инсайтах, откровениях.

Опыт, накопленный человечеством, показывает, что этот контакт становится более полным, если развивать в себе такие личные качества как **открытость, благожелательность, принятие, самоотдачу, творчество**. Это самые общие этические ориентиры. Весьма существенно, чтобы в оценке всех текущих событий, а также своего прошлого жизненного опыта эти основные ориентиры имели бы наиболее высокий приоритет. Более того, необходимо стремиться превратить эти ориентиры в актуальные качества, присущие нашему духу.

Такое осознанное отношение к личному опыту с необходимостью подразумевает активное использование рефлексии, то есть самонаблюдения, самоосмысления, самопознания. Это своеобразный механизм обратной связи и развития, позволяющий **осознавать** и высвечивать скрытые мотивы и модели поведения, делать их зримыми и давать им конкретную этическую оценку. Таким путем осуществляется **осознанный выбор** между позитивными и деструктивными моделями. В христианстве близкий по своей сути процесс называют покаянием, однако в общепринятой практике покаяние как отказ от греха (явной деструктивной модели поведения) не предполагает рефлексии и исследования скрытых истоков этой модели. В результате внимание оказывается прикованным к самому греху, который в действительности является лишь симптомом, внешним выражением болезни, суть же его коренится в неосознаваемых глубинах. В этих условиях волевые усилия по борьбе с грехом не приносят заметных плодов.

Очень важно, делая осознанный выбор, ориентироваться не на борьбу с внутренними препятствиями и негативными проявлениями, а на поддержку и развитие потенциально позитивных побуждений. Внимание, энергия, ориентированная на положительных элементах опыта приводит к актуализации соответствующих качеств. Негативные элементы при этом лишаются жизненной силы. Такой процесс является по своему характеру **эволюционным**. Если в этом процессе в качестве изначальной точки отсчета присутствует Бог как созидательное духовное начало, то итогом процесса является развитие духа от простого к сложному. При этом сфера духовной деятельности расширяется, устраняются барьеры, ограничивавшие пространство опыта как по горизонтали (взаимодействие с людьми), так и по вертикали (взаимодействие с Небесами).

Весьма существенно, что это эволюционное движение осуществляется совершенно осознанно. Более того, способность к рефлексии позволяет адекватно осознавать само движение и возникающие на каждом новом этапе задачи. Путь познания в итоге превращается в последовательное решение духовных задач нарастающей сложности. Характерно, что не может быть проведено какой-либо черты, на которой процесс мог бы завершиться. В метафорической форме это эволюционное движение может быть представлено как взаимодействие **ученика** и Великого **Учителя**.

В принципе можно выразить опыт такого познания в краткой формулировке типа кредо. Но в отличие от символа веры она не содержит догматических установлений, формирующих основополагающий миф, а выражает прямой опыт. Например, следующее:

Я твердо **знаю** – не только верю, что Бог есть. Мой духовный опыт – это опыт взаимодействия с Ним: вопрошания и слушания Его ответов, ощущения Его постоянного и небезразличного к тебе присутствия, опыт все более полного понимания той **ответственности**, которая сопряжена с Его присутствием в моей жизни, опыт полного **доверия** к Нему, **самоотдачи, принятия** всего, отпущенного мне в этой жизни. Это –

опыт **самопознания** в свете того, что Он мне открывает, позволяющий двигаться и расти навстречу Ему. Все это сообщает радостное **ощущение смысла** существования и ощущение пути, который в результате нашего **творческого взаимодействия** может быть вписан в контекст Его Замысла.

Все, выраженное в этом кредо, в принципе, не противоречит религиозному опыту, характерному для основных мировых религий, и это естественно, ведь описанный опыт рефлексии и религиозная мифология восходят к общему источнику. Но есть одно важное отличие.

Пространство мифа исходно ограничено. Мифологическое сознание, на базе которого сформированы все мировые религии, склонно воспринимать все, что не вписывается непосредственно в ткань данного мифа, как содержание, не соответствующее истине. Это создает непреодолимые межконфессиональные барьеры, послужившие причиной многих религиозных войн. Но это – внешние границы. Для современной культуры характерно возникновение внутренних границ, разделяющих не людей, а саму душу человека. Причина этого заключается в том, что архаичность мифологического сознания трудно сочетается с контекстом современной культуры и социальной жизни. В результате жизнь большинства верующих в современном мире разделяется на две слабо увязанные сферы: религиозную и светскую. Содержание первой может составлять, например, посещение церкви, чтение Библии, участие в акциях милосердия. Это отдельная сфера жизни. Все прочее – это, собственно, и есть сама жизнь: в семье, на работе, в политике и общественной деятельности. Эти две сферы сосуществуют параллельно и почти независимо. Такое разграничение усугубляется еще и тем, что христианская традиция склонна рассматривать светскую жизнь как фактор, тормозящий духовное развитие, как источник мешающих соблазнов. Подобная точка зрения нашла наиболее яркое выражение в институте монашества – полного ухода от светской жизни. Следствием такого внутреннего барьера является слабое распространение и влияние религиозной этики в обществе.

Вера, понимаемая как процесс обучения, как эволюционное движение с сознательным использованием механизмов рефлексии, не возводит внутренних барьеров, поскольку она с необходимостью подразумевает использование всего наличного жизненного опыта как материала для осознания и осмысления. В результате, будучи позитивно усвоенным и переработанным, он оказывается органично включенным в духовную сферу человека.

Развитая рефлексия как метод духовной работы способствует не только устранению раздвоенности в жизни каждого отдельного человека. Благодаря своему родству с научным и художественным мышлением, она создает реальную возможность преодоления существующего ныне отчуждения религии и светской культуры (философии, науки и искусства). В результате она может стать основой для интеграции всей культуры в единое целое и способствовать созданию новой культурной среды, в рамках которой научное, художественное и религиозное мышление было бы непротиворечиво единым.